
Айзек
АЗИМОВ

Избранное

**УБИЙСТВО
В
ЭЙ-БИ-ЭЙ**

Издательство «Мир»

Айзек Азимов

Убийство в Эй-Би-Эй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=150075

Убийство в Эй-Би-Эй: Мир;

Оригинал: Isaac Asimov, "Murder at the ABA"

Перевод:

Н. Лосева

Аннотация

Эй-Би-Эй – это Ассоциация американских книготорговцев, ставшая местом действия детективного романа Айзека Азимова «Убийство в Эй-Би-Эй». И на 75-м ее съезде произошло убийство. В отеле, где проходил съезд, был найден труп Джайлса Дивора, популярного молодого писателя...

Содержание

Часть первая	4
1. Дэрайес Джаст (рассказчик). 13.30	4
2. Мартин Уолтерс. 16.20	7
3. Майкл Стронг. 16.30	10
4. Томас Вэлиэр. 16.40	13
5. Джайлс Дивор (ретроспектива)	16
6. Томас Вэлиэр. 16.45	21
7. Тереза Вэлиэр. 17.25	24
8. Роузэнн Бронстайн. 18.05	28
9. Айзек Азимов. 18.35	33
10. Сара Восковек. 19.20	38
11. Джайлс Дивор. 19.35	41
12. Ширли Дженнифер. 19.50	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Айзек Азимов

Убийство в Эй-Би-Эй

Часть первая

Воскресенье, 25 мая 1975 года

1. Дэрайес Джаст (рассказчик). 13.30

Если вам придется проследить истоки насильственной смерти вашего друга и выяснить, как это произошло, вам станет ясно, что это не случилось бы, если бы ранее не произошло событие А, а перед тем – событие Б и так далее, вплоть до изначальных туманных времен.

В данном же, конкретном случае, к которому я имел отношение, мы можем ограничить непосредственные причины определенной серией событий. Если бы любое из них не случилось, некто, ныне мертвый, был бы жив, а если бы и умер, то во всяком случае не тогда и не таким образом, то есть не был бы убит.

Я лично находился в центра многих из этих событий. Непреднамеренно, конечно, но все же.

Я прослеживаю их истоки начиная с воскресенья 25 мая

1975 года – первого дня 75-го ежегодного съезда Ассоциации американских книготорговцев (Эй-Би-Эй), которому было отведено несколько отелей в центре города, и с поступка женщины, готовившейся представить на пресс-конференции свою новую книгу.

Ей предстояло встретиться с репортерами в 16 часов, и она никак не могла решить, какое платье ей надеть. С одной стороны, она была молода и красива и обладала соблазнительной фигурой, которую ей хотелось выигрышно показать. С другой стороны, она считалась феминисткой, и книга, которую она собиралась рекламировать, была феминистской, а использовать свое тело в качестве приманки для популяризации книги было бы совсем не феминистским приемом.

В конечном счете она выбрала белое платье, которое от талии и выше состояло в основном из крупной сетки, а под ним от талии и выше не было ничего, кроме ее роскошного естества.

Все это я вычислил позднее. Меня в то время не было в городе, я находился в пути. Я выехал в 13.30 и направлялся на съезд Эй-Би-Эй. Один мой друг, историк Мартин Уолтерс, позвонил мне за неделю до съезда и попросил помочь ему на пресс-конференции. Он считал меня приверженцем научных трудов и к тому же почему-то полагал, что мое имя имеет вес в ученом мире.

Он, конечно, заблуждался, но друзьям принято помогать. Его пресс-конференция была назначена на 16.20, пообещал

прибыть к этому времени.

В 13.30, закончив лекцию в одном месте – милях в ста от города, я сел в машину и поехал на съезд, не слишком поспешая, ибо не сомневался, что успею прибыть вовремя. Я так полагал до тех пор, пока не свернул на шоссе Кросс-Норт. Дело в том, что нет такого часа дня или времени года, когда один-два автомобиля не застревают на Кросс-Норт. И как только распространяется (телепатически, наверное) весть о том, что проезжая часть на этом шоссе резко сузилась, все автомобилисты к северу от города устремляются к нему с дикими воплями восторга.

Именно тогда меня охватила роковая тревога, не покидавшая потом весь день. Я медленно полз, и впереди столь же медленно ползли три ряда автомобилей, подобно тепловой волне, и никакого просвета не предвиделось. Периодически я поглядывал на часы и приходил в ярость.

И все же я сумел приехать вовремя.

Мне удалось заскочить к себе на квартиру, которая находилась примерно в миле от отеля, куда я направлялся, наскоро сполоснуться, переодеться, поймать такси, подъехать к отелю, подняться на пятый этаж, найти комнату пресс-конференций и войти в нее точно в 16.20.

2. Мартин Уолтерс. 16.20

Если бы я приехал на 20 минут раньше, все сложилось бы иначе, а 20 минут – это именно то время, которое я потерял на шоссе Кросс-Норт.

Я подождал, как обычно, 15 секунд чтобы меня заметили, но никто не обратил на меня внимания. Я не слишком удивился. Комната напоминала бедлам: сотрудники Эй-Би-Эй пытались собрать в кучу репортеров, а репортеры не могли взять в толк, что писать, и отчаянно галдели.

Притом (я до сих пор избегал говорить об этом) мой рост равен 158 сантиметрам. Если люди со мной незнакомы, они обычно смотрят вверх моей головы, поэтому через 15 секунд я даю знать о своем присутствии. У меня звучный голос, и на сей раз я громко и четко произнес:

– Я – Дэрайес Джаст, и я принимаю участие в пресс-конференции Мартина Уолтерса, посвященной книге "Участники переговоров о мире".

Мое заявление не возымело действия, и я было собрался повторить его, увеличив количество децибел, как ко мне подскочила женщина, раздраженно спросившая:

– В пресс-конференции Уолтерса?

Позднее я узнал, что она возглавляла отдел пресс-конференций в Эй-Би-Эй, звали ее Генриетта Корвасс. Ее телеса заметно выпирали из платья.

– Явился точно в срок, – сообщил я.

– Каким это образом? Пресс-конференция окончена.

Я вытаращил глаза, и у меня мелькнуло страшное подозрение.

– Который час? – спросил я и посмотрел на свои часы.

– 16.22. – ответила она.

И мои часы показывали 16.22.

– Но ведь она назначена на 16.20.

В этот момент Мартин вошел из соседней комнаты. Он смущенно улыбнулся и сказал:

– А, Дэрайес, молодчина, что приехал. Ты настоящий товарищ.

– Ты так погружен в прошлое, – возмущенно сказал я, – что не мог назвать точное время в настоящем. Ты мне сказал 16.20, и я чуть не разбился в давке на шоссе, спеша добратся сюда, а ты не стал меня ждать.

В тот момент Мартин мог разорвать цепь обстоятельств, униженно попросив прощения. Я не требовал многого. Ну, пусть бы бился головой о стенку или лизал мне руки, или же бросился на пол и попросил, чтобы я попрыгал на нем, – достаточно было такого пустяка.

Но он этого не сделал.

– Дело в том, – проговорил он, посмеиваясь, – что до меня должна была выступить одна женщина, но она явилась в прозрачном платье, и под ним на ней ничего не было, понимаешь?

– Ну и что? – спросил я.

– Ее литературный агент сказал, что в таком виде нельзя выступать перед прессой.

– Почему? Разве газеты теперь посылают в качестве репортеров зеленых юнцов?

– Нет, конечно, – добродушно сказал Мартин, – просто корреспонденты принялись бы описывать ее платье, а не книгу. В общем, он отправил ее переодеваться. Надо было как-то удержать репортеров, а поскольку я уже был здесь, меня попросили выступить на 20 минут раньше. Ничего не попишешь, Дэрайес, но ты ведь знаешь, – добавил он конфиденциальным шепотом, – эти пресс-конференции не имеют значения.

Конечно, никакой катастрофы не произошло. Но я негодовал, и моя ярость не находила выхода. Я покинул Мартина злой и обиженный, хотя и понимал, что веду себя по-детски. Я завелся и только того и ждал, чтобы сорвать дурное настроение на первом, кто подвернется. Тем самым я закладывал самый большой камень и, главное, подготавливал почву для чувства ответственности за убийство, быть может гораздо более сильного, чем у кого-либо, включая и самого убийцу.

3. Майкл Стронг. 16.30

Конечно, жребий еще не был брошен. Мое возмущение или унижение могло достигнуть такой степени, что я решил бы уйти домой и забыть о съезде. Но я этого не сделал. Мне хотелось посмотреть книги, выставленные в киосках, которые размещались на втором этаже. Ожидалось, что на съезде будут присутствовать 12000 человек, главным образом книготорговцы, которые служат мостом между издателями и авторами, сочиняющими книги, а также публикой, которая их читает.

И, разумеется, издатели соревнуются друг с другом, стараясь завладеть вниманием книготорговцев, которые в свою очередь жаждут найти произведения, сулящие выгоду.

Моя пятая книга должна была выйти в издательстве "Призм Пресс", и я серьезно рассчитывал, что она будет иметь больший успех, чем предыдущие, и мне не придется более ломать голову над тем, как свести концы с концами.

Наверное, утешительно сознавать, что мои книги переживут дешевки-бестселлеры ("дешевки" это стандартный эпитет, употребляемый авторами, чьи произведения не попадают в этот список) и что меня оценят после смерти, но невольно приходит на ум, что жизнь впроголодь приблизит час смерти.

Подобные соображения роились у меня в голове, и я уже

собрался войти в выставочный зал, как вдруг услышал, что меня робко окликнули:

– У вас есть значок съезда с вашей фамилией, сэр?

Я принялся шарить по карманам в поисках значка, которым меня заранее снабдил мой издатель, и взглянул на обратившегося ко мне мужчину. На нем было что-то вроде формы светло-коричневого цвета с названием отеля, вышитым на левом кармане пиджака, и под ним слово «охрана». Роста он был высокого – около 6 футов, под пиджаком играли развитые мускулы. Волосы – тонкие, светлые, а брови и ресницы такие белесые, что веки казались окантованными красным, а глаза – незащищенными.

– Вот, извольте, – я показал ему значок и приколот его к пиджаку.

– "Дэрайес Джаст", – прочитал он задумчиво. – Вы ведь писатель?

– Да, я писатель, – сказал я, почувствовав легкий укол.

– Я знаю вас, – проговорил он и щелкнул пальцами. – Джайлс Дивор был вашим протеже, не правда ли?

– Я помог ему с первой книгой несколько лет назад, – признался я.

– Он великий писатель. Вы должны им гордиться. Я восхищаюсь его книгой.

– Он будет рад узнать об этом, – заметил я без энтузиазма. Было ясно, что по мнению этого честного, но глупого служащего отеля, я прославлюсь тем, что Джайлс – мой протеже,

но я-то вовсе не так рассчитывал войти в историю литературы!

Я поднял руку в знак прощания, но он воскликнул:

– Минуточку! – и схватил лист бумаги со стола. – Не дадите ли вы мне автограф?

Я еще не достиг такой стадии, когда у меня наперебой просили бы автографы, и потому сказал:

– Конечно.

– Он расстегнул пиджак и тщательно выбрал одну из ручек, засунутых во внутренний карман, по-видимому, самую почетную. Подавая ее мне, он сказал:

– Мое имя Майкл П. Стронг, если хотите, можно просто Майк.

Я написал: «Майку» – и спросил, стараясь не подчеркивать сарказма:

– Может быть, хотите, чтобы я подписал: "От покровителя Джайлса Дивора"?

– Нет, просто ваше имя, – ответил он простодушно. – Я возьму автограф у мистера Дивора позднее, когда он будет надписывать свои книги.

– Теперь я могу идти?

– Конечно! Большое спасибо, мистер Джаст, – и он радостно помахал рукой.

4. Томас Вэлиэр. 16.40

Я пытался отыскать киоск «Призм Пресс». В тот момент я не сознавал, да и не мог сознавать, что жизнь человека висела на волоске и что все зависело от того, насколько я раздражен.

Несмотря на то, что в принципе я не одобрял крикливую рекламу, все же в киосках продавали книги, а я люблю книги. И как раз, когда напряженность стала спадать, мне наступили на ногу! Может быть, я сам был виноват – я не смотрел, куда иду, – притом в зале толпилось много народу и трудно было не наткнуться на кого-либо.

Но дело в том, что я болезненно отношусь к тому, что меня топчут. А все из-за удивленного взгляда, обращенного вниз, как бы говорящего: "Вы, оказывается, тут!"

И поскольку обидное фиаско с пресс-конференцией все еще мучило меня, я приветствовал возможность физической разрядки и с силой отбросил обидчика, прошипев:

– На свои ноги наступай, растяпа!

Он качнулся, удержал равновесие, смущенно уставился на меня, пробормотал: – Извини, паренек! – и пошел дальше.

"Паренек"!

Мне сорок два. Пусть я выгляжу моложе своих лет, но никто не даст мне меньше 32. Надо же – паренек!

Он автоматически отреагировал на мой рост, и успокои-

тельное воздействие обстановки сразу прекратилось. Я снова хмурился и был зол на весь мир.

Наконец я разыскал "Призм Пресс". Томас Вэлиэр, который вместе с женой был владельцем этого небольшого издательства, – олицетворение молодого талантливое и напористого администратора. Он достаточно дружелюбен, и я хорошо относился к нему, но не в этот момент. По правде говоря, я испытал острую неприязнь, ибо на витрине не было ни одного сигнального экземпляра моей книги "Будущее – для птиц", а лишь маленькое объявление о ее предстоящем выходе в свет. Зато на прилавке лежало штук двадцать книги Джайлса Дивора "Ушедшие навсегда". Несомненно, они будут розданы крупным книготорговцам.

– Как дела, Том? – спросил я отрывисто.

– Дэрайес! – воскликнул он, заметив меня только после моего вопроса. – Прекрасно! Прекрасно! Уйма запросов насчет "Ушедших навсегда".

Выражение его лица было далеко не радостным, я бы сказал, даже унылым, но меня это не волновало. Мне самому нечему было радоваться.

– Какое мне дело до "Ушедших навсегда"? Как идет моя книга?

Готов поклясться, Том не сразу вспомнил, что в его списке есть моя новая книга.

– Трудно сказать. – проговорил он наконец. – Сигналов еще нет. Мы получим их к съезду американских библиотек.

– По-моему, моя рукопись была представлена раньше, чем рукопись Джайлса...

– Да, я помню.

Я не стал продолжать разговор.

5. Джайлс Дивор (ретроспектива)

Как, черт возьми, это удалось Джайлсу Дивору? Я не мог этого понять, даже когда помогал ему работать над его первым романом. Не понимаю и сейчас. Пишет он плохо, компоует книгу неуклюже. И все же в нем есть какая-то неотесанная сила, которая сразу захватывает вас и не дает вам отложить ее. Вам хочется это сделать, но вы думаете – «ну, еще страничку», а потом – «еще страничку» и еще...

Я познакомился с ним в 1967 году, когда ему был 21 год. Мне было 34, я уже выпустил две книги и считался вполне сложившимся, хотя и не слишком известным автором. Джайлс полагал, что есть смысл показать мне свою рукопись.

Как все другие писатели, я терпеть не могу непрошенные рукописи и жажду новичков получить ценные указания.

Обычно я возвращаю рукописи непрочитанными, но Джайлс был слишком наивен, чтобы послать мне свою по почте. Он явился самолично, даже не договорившись по телефону. Именно эта наивность пробудила у меня нечто вроде стыдливой жалости. Должен признаться, что я не задумываясь перерезал бы литературную глотку юноши, если бы он не подставил ее так доверчиво.

Это был детина 6 футов и трех дюймов росту, довольно широкий в плечах, но в ту пору крайне тощий (впоследствии он раздобрел). Он ходил, виновато ссутулившись, как

бы стыдясь своего роста.

Итак, он стоял передо мной с рукописью романа в руках, безмолвно прося прощения за свой рост и глядя на меня так, будто смотрит не вниз, а вверх. Не знаю, как это ему удавалось, но в его присутствии мне казалось, что я выше него, и быть может, именно поэтому, к моему удивлению, я произнес:

– Ну что же, присаживайтесь, посмотрим, что тут у вас такое.

Три часа спустя он все еще сидел, а я все еще читал, и было уже 7 часов вечера. Я предложил ему сходить через дорогу закусить и потом снова возобновил чтение.

Нет, у меня вовсе не было впечатления, что я открыл гения. По правде говоря, книга была ужасная – написанная виетиевато, с жутким диалогом.

Но я продолжал читать. Это-то и было самым удивительным. Не знаю, как он этого добивался, но невозможно было предугадать, что будет дальше, и почему-то хотелось узнать.

Впервые в моей жизни – клянусь – я взял под свое покровительство автора и его творение. Он дважды переписал книгу под моим руководством, и на это ушло два года.

Не очень-то приятными были эти два года. Помимо небольшой суммы, которую он регулярно получал от отца, у Джайлса не было никакого дохода, а мой собственный страдал из-за того, что я тратил на него такую уйму времени, черт бы его побрал! Под конец, когда у меня стало появляться же-

лание ткнуть его лицом в пишущую машинку и не отпускать, пока он не испустит дух, я даже разрешил ему переехать ко мне, и он прожил в моей квартире два месяца и пять дней.

Я помню каждый день, потому что это было невыносимо. Он не шумел, не пил, не курил. Он старался не путаться под ногами. Он был неизменно вежлив и покорен. Он был немислимо чист.

Эта немислимая чистота, наверное, и доконала меня. Конечно, я не против чистоты, я сам стараюсь ее поддерживать. Но тщательно мыть руки, как только отрывается от пишущей машинки! Тщательно складывать всю одежду, которая не на тебе! Тщательно стирать пыль, чистить и драить небольшое пространство вокруг себя, пока оно не станет казаться драгоценным камнем в оправе из ржавого металла, каким являлась остальная часть моей квартиры.

Единственное, в чем он был неряшлив – это ручки. Почти у всех писателей, которых знаю, есть свой бзик, связанный с ручками: одни делают запасы ручек, другие грызут их, третьи заводят любимые ручки... Джайлс их развинчивал. Всякий раз, когда он погружался в творческое состояние, он развинчивал шариковые ручки. И очень часто, ну, не меньше трех раз из десяти, ронял пружинки на пол. Не знаю уж, сколько раз я помогал ему искать их. В дальнейшем он начал покупать шариковые ручки одноразового пользования, которые не развинчивались и не имели пружинок.

Наконец он закончил книгу, и я лично отнес ее в "Призм

Пресс". Я мог отдать книгу издательству «Даблдей», но считал, что справедливости ради надо предоставить первый шанс Тому. Кроме того я знал, что смогу уговорить его, даже если он не захочет принять рукопись.

С некоторым колебанием Том согласился опубликовать ее. Она вышла в 1969 и вначале не имела большого успеха. Было продано чуть больше 4000 экземпляров в твердой обложке – в общем-то не так уж мало для первой книги.

Вы, наверное, удивитесь, когда я скажу, что речь идет о «Пересечении» – книге, которая сейчас стала буквально объектом культа.

Лишь в 1972 году, когда "Призм Пресс" удалось найти издателя, который выпустил ее в мягкой обложке, книга внезапно приобрела огромный успех среди студенчества и моментально стала сенсацией. Быть может, читателям импонировало то, что это была полуфантазия сродни тогдашней полуфантазии Уотергейта. Не один раз в книге фантазия и реальность пересекались (отсюда название). И под конец уже трудно было определить, что преобладало.

Даже если роман плохо написан, у него есть удивительная особенность: кажется, что изыяны стиля составляют неотъемлемую часть изыянов вселенной. Успех книги был столь же неожиданным для Джайлса, как и для всех остальных.

Как только Том принял рукопись и Джайлс получил 2000 долларов аванса (поначалу Том хотел дать ему 500 долларов), я вытурил Джайлса из своей квартиры. Он пытался всу-

читать мне половину аванса, но, конечно, я не взял. И все же я до сих пор с мрачным удовольствием вспоминаю глубину и искренность его благодарности в ту пору.

Он уехал в штат Нью-Джерси, женился в 1973 году на женщине старше себя и засел за новый роман. Я виделся с ним время от времени, когда он приезжал в наш город, всегда неизменно вежливый, даже смиренный, но ни разу не изъявивший желания показать мне новый роман, пока работал над ним, и, разумеется, я ни разу не попросил его об этом.

Теперь ему было около 30, его второй роман лежал передо мной.

6. Томас Вэлиэр. 16.45

Я взял экземпляр «Ушедших навсегда», злясь, что книга выставлена, что она так хорошо смотрится.

– Я могу взять один экземпляр? – спросил я, пытаюсь говорить небрежно.

– Нет, Дэрайес, – ответил Том, – не сейчас. Эти экземпляры для подарков с автографами. Завтра Джайлс будет надписывать автографы на новом издании «Пересечения» в твердой обложке. Каждый экземпляр будет пронумерован...

– И счастливики получают экземпляры "Ушедших навсегда" с автографами. Понятно.

Я начал просматривать книгу и мне сразу стало понятно, что это продолжение «Пересечения» или, даже если это самостоятельное произведение, действие разворачивается во вселенной «Пересечения». Я не осуждал Джайлса за то, что он пытался подняться на гребне волны, но готов был поспорить, что эта книга слабее первой, и что ее ждет провал.

На задней стороне суперобложки красовалось фото Джайлса. Я раскрыл книгу. В отличие от его первого романа, здесь было посвящение: "Моей жене". Это тоже меня разозлило. Что она сделала для него? Я имею в виду в литературном плане.

Я положил книгу на место и ворчливо заметил:

– Наверное, она должна разойтись.

– Очень было бы желательно, – сказал Том уныло. – Мы выдали аванс 10000 долларов.

– Что? – Я никогда не слышал от Тома подобной цифры. Я получил аванс 3000 за книгу, которая должна выйти, и при этом Том вел себя так, словно вырезал свое сердце и отдает его, еще трепещущее в мои загребущие руки.

– А что было делать, – объяснил Том, – иначе мы теряли право на издание в мягкой обложке... Если хотите знать, – он понизил голос, – этот роман не так хорош, как "Пересечение".

"Естественно, – подумал я злорадно, – над этим романом я не корпел".

– Что вы волнуетесь, – успокоил я его, – все равно разойдется.

– Тем хуже, – сказал Том, и в голосе его прозвучало отчаяние, – потому что тогда третья книга мне не достанется.

– Разве он вычеркнул пункт о праве издания в договоре на "Ушедших навсегда"?

– Нет, но он требует письменного обязательства выдать на нее аванс в размере 50000, и если я не смогу, – он будет волен отдать ее одному из крупных издательств, например «Харперс». Пункт о праве издания удерживает только тех авторов, которым больше некуда больше обратиться.

Я снова стал листать книгу Джэйлса, но тут меня отвлек новый голос.

– Дэрайес!

Я мгновенно узнал этот гортанный голос с придыханием. Он принадлежал Терезе Вэлиэр, второй половине "Призм Пресс".

– Дорогая! – воскликнул я с должным чувством. Встав, я вторично положил книгу на место и обнял Терезу.

7. Тереза Вэлиэр. 17.25

Тереза была неплохим объектом для объятий. Крупная, пышная, жизнерадостная шатенка с прямыми волосами, гладко зачесанными назад, и громким смехом.

Сейчас ей было не до смеха.

– Пойдемте выпьем, – предложила Тереза, – пока Том закрывает киоск.

– Завтра день поминовения погибших, – напомнил я. – Ваш киоск будет открыт?

– Я буду помогать Джайлсу – он должен давать автографы, а Том посидит в киоске. Потом я сменю его – ему надо встретиться с книготорговцами. Я хочу, чтобы он был чем-то все время занят. Дэрайес, у него не больно хорошее настроение.

– Я заметил. Оно и у вас не очень хорошее.

Мы спустились в бар. Тереза нашла в одном углу два свободных места.

– Выпейте, – предложила она.

– Вы знаете, что я не пью.

– Имбирного пива, – сказала она, – за счет "Призм Пресс", ладно? – И заказала себе водку.

– Как это понять? – спросил я. – Такая щедрость. С чего бы это?

– У меня свои причины. Вы идете сегодня вечером на прием?

– По семнадцать с половиной долларов за билет? Я решил не идти.

– Пойдите, пожалуйста. Мы оплатим билет, – попросила она.

– Господи помилуй! Почему вдруг?

– Потому что вы хороший автор, преданный нам.

– Благодарю, но я всегда был таким. Почему же именно сейчас?

– Потому что я знаю, что Джайлс Дивор будет там, и я хочу, чтобы вы с ним поговорили. Вы, наверное, знаете, что происходит. Том, наверное, сказал вам.

– Да, сказал, – подтвердил я. – Джайлс хочет сорвать большой куш. Очевидно, нашел приткого литературного агента.

– Конечно, у него есть агент, но беда не в нем. Сам Джайлс жаждет получить побольше презренного металла. Мы должны каким-то образом убедить его не бросать нас. И здесь вы можете помочь.

– Но как? Если он намерен заграбастать весь пирог, какие доводы я могу привести против? Свое богатство и славу, которых я достиг, не добиваясь этого?

– Не говорите так, Дэрйес, – возразила она серьезно, – он уважает вас.

– Я ничем не могу помочь, Тереза. Если он уважает меня, это ни в чем не проявляется.

– Между прочим, мы предлагали ему посвятить "Ушедших навсегда" вам.

Я решил проявить стоицизм.

– Зачем это ему нужно? На первом месте жена. Плоть от плоти, кость от кости, наследница мужа. У меня, правда, никогда не было жены, но я так полагаю.

– Вы прекрасно знаете, что со стороны Джайлса некрасиво уходить от нас, – сказала Тереза. – Мы сделали его – "Призм Пресс" и вы.

Я вступился за честь писательского мундира.

– Нет, нет, Тереза. Он бы ничего не добился, если бы не работал сам. И если бы он был другим человеком, я никогда не заставил бы его добиться успеха, да и вы не создали бы ему имени.

– Но уходить от нас даже не в его интересах, Дэрйес. Мы – маленькая фирма, и он наш крупнейший автор. Звезда. Никакой конкуренции. – Наверное, она почувствовала, каково мне это слушать. – Я хочу сказать, с его точки зрения, Дэрйес. Вы же знаете, что мы всегда будем любить и ценить вас...

– Хватит, Тереза. Вы хотите уговорить Джайлса не порывать с "Призм Пресс", и для этого вам надо убедить его, что он – звезда большой величины, не имеющая конкуренции. Согласен. Продолжайте.

Она сжала мне руку:

– Мы делаем ставку на Джайлса, потому что с ним мы растем, а без него мы не можем подняться. Если же он перейдет в одно из больших издательств, то станет одним из дюжины ведущих, но не крупнейшим. Он потеряется в давке. В ко-

нечном счете с нами ему надежнее. Не можете ли вы объяснить ему это, Дэрайес? Вас он слушает.

– Если я его увижу, поговорю с ним.

– Это все, о чем я прошу, – сказала она.

8. Роузэнн Бронстайн. 18.05

Съезды книготорговцев подобны всем другим: большая часть дел на них проворачивается в барах.

Лично я не пью. Не из-за возражений морального порядка, но я добываю себе на жизнь с помощью своего острого ума – можете подобрать и другой эпитет – я никогда не замечал, что если дубасить его молотом, именуемым «алкоголь» (или "наркотик"), то можно улучшить его работу.

Поэтому я сидел в баре, чувствуя себя не в своей тарелке, я выжидал, пока начнется прием, без малейшего желания присутствовать на нем, даже если "Призм Пресс" оплатит мой билет. Если Джайлс придет, то я только унижу себя. Я не видел способа подъехать к нему, а если бы и нашел, то вряд ли добился бы успеха.

Невольно я услышал разговор за соседним столиком. Речь шла об инфляции, последовавшей за эмбарго на ввоз нефти в 1973-м году, и о вызванном этим росте цен, в результате которого расходы превышали прибыли. А как бороться с падением прибылей? Простейший способ – сокращение штатов. За столиками сидели редакторы, и мне их было жаль. Если редактор уволен, он уже больше не редактор, а просто единица в статистике безработных.

Другое дело – писатель, подумал я. Его нельзя уволить. Его рукопись можно отклонить, он может оказаться несосто-

ательным, может голодать и быть вынужденным поддерживать существование физическим (то есть не писательским) трудом, его могут не замечать критики и ругать публика – и все же он писатель, писатель-неудачник, голодающий писатель, но писатель. И никакой редактор не может изменить этого факта. Погруженный в размышления, я не заметил присутствия Роузэнн Бронстайн, пока она не села на место Терезы и не воскликнула:

– Привет, малыш!

Что я могу сказать о своей приятельнице Роузэнн? Не то чтобы она была уродлива и ли нелепа, но все, словно сговорившись, когда вспоминают о ней, употребляют эпитет «непривлекательная». Она низенькая, шарообразная, с широким лицом и зычным голосом. Весь ее вид какой-то беспольный, как будто она возникла в те времена, когда еще не были изобретены и дифференцированы два пола. И тем не менее под этой внешностью скрывалась женщина.

– Чем могу быть полезен, Роузэнн? – спросил я бесстрастно.

Я встретила в холле Терезу Вэлиэр, и она сказала, что ты здесь, что ты идешь на прием и будешь говорить с Джайлсом Дивором.

– Если я его увижу. Не собираюсь искать его.

– Надеюсь, что увидишь. Я знаю, ты можешь повлиять на него.

– Вовсе нет.

– Ну-ну, полно. Послушай, уговори его зайти в мою лавку, чтобы надписать автографы на его новой книге.

– Почему я? Попроси его сама.

Тень смущения промелькнула на ее лице:

– Не могу, малыш. – И добавила тихо и сдержанно: – Ты ведь знаешь, я сделала его, Дэрайес. Его книга в твердом переплете не раскупалась и не разошлась бы и в бумажной обложке, если бы я не протолкнула ее.

Все мы сделали его, подумал я саркастически. Я сделал его. Вэлиэры и "Призм Пресс" сделали его. Роузэнн Бронстейн сделала его. Тем не менее теперь он стоял на своих ногах и мог плевать на нас всех. И, однако, была доля правды в том, что сказала Роузэнн. Есть публика, которая читает только модные книги. Для этого не обязательно, чтобы они были хорошими или читабельными, хотя, конечно, они могут обладать обеими достоинствами. Для того, чтобы книга стала модной, она должна попасть в список бестселлеров. Этого можно добиться путем напористой рекламной компании.

Находящаяся в "стратегическом пункте" книжная лавка могла это сделать. Она могла пробить книгу. А это значило – Роузэнн Бронстейн. Она владелица и мощная сила, создавшая «Иволгу» – книжную лавку в самом центре города. Нет сомнений, что ее идея пригласить Джайлса в «Иволгу» для надписывания автографов на экземплярах «Пересечения» в декабре 1973 года имела колоссальный успех – я видел это своими глазами. Джайлс ставил свой автограф на од-

ной книге за другой, и вереница желающих получить его была нескончаема. Именно тогда он впервые стал писать трехгранными шариковыми ручками одноразового пользования с его монограммой, которые он специально заказывал. Мог ли он предвидеть, что они сыграют фатальную роль.

Памятуя о том, как Джайлс давал автографы в ее лавке, я сказал:

– Я знаю, что ты пробила его книгу, Роузэнн. Жаль, что ты не пробиваешь так же усиленно мою. Насколько я понимаю, Джайлс неблагодарен?

– Мы были друзьями, – сказала она. – Я сделала это ради дружбы. Мы были очень хорошими друзьями.

Она замолчала, как будто вспоминая, как это было хорошо, и у меня возникло неприятное чувство, что под "очень хорошими друзьями" она подразумевает, что они были любовниками. Передо мной мелькнуло гротесковое видение: Джайлс продает свое тело в обмен на то, что Роузэнн продаст его книгу.

Она взяла меня за руку:

– Знаешь, сейчас трудные времена, и моя «Иволга» одряхла. Мне надо переоборудовать лавку или перевести ее в другое место, чтобы она продержалась пока я жива... Я помогла Джайлсу, когда он нуждался в этом. Он может помочь мне сейчас.

– Так попроси его.

– Ты попроси. Мне не удастся даже поговорить с ним уже

более года.

– Я сделаю, что смогу.

И я поднялся на эскалаторе на третий этаж, в зал, где должен был состояться прием, и тем самым упустил шанс ускользнуть.

9. Айзек Азимов. 18.35

Купив билет за столиком у входа в зал, я прошел в бар, посмотрел, нет ли там Джайлса Дивора, и, не найдя его, прошел в комнату, где у каждой стены стоял большой стол с закусками. Я подошел к ближайшему, подумав: «Бесплатный обед, неплохо», – и наложил себе на тарелку разной снеди. Найдя свободный столик, я уселся, облегченно вздохнув. Если бы мне дали спокойно поесть, я мог бы еще забыть о безжалостно унижительных для меня событиях этого дня. Есть люди, которые топят свои горести в вине. Я же могу рассеять печаль, поев сухой колбаски.

Но не тут-то было. В то воскресенье ничто не ладилось. Не успел я прожевать первый кусок, как жизнерадостный голос проговорил за моей спиной:

– О, старина Дерзай-Не-Раз! Не возражаете, если я к вам подсяду?

Услышав эти слова, я не глядя узнал Айзека Азимова. Он единственный из моих знакомых, обладающий столь извращенным чувством юмора, что считает смешным подобное переименование моего имени. По его мнению, игра слов – это верх мудрости.

– Привет, Айки, конечно, я возражаю, но все равно присаживайтесь.

Между прочим, как бы Азимов не коверкал мое имя, я ни-

когда не злюсь так, как он, если его называют Айки. Поэтому, когда до него дойдет, что каждое «Дерзай-Не-Раз» вместо Дэрайес Джаст влечет за собой «Айки», он забудет о дурацкой игре слов. Всякому другому было бы достаточно двух раз. Азимову на это понадобится 20 лет.

Поскольку эту книгу, пожалуй, можно считать плодом сотрудничества, хотя в качестве автора фигурирует один Азимов, я постараюсь поподробнее описать его.

Рост его 5 футов 9 дюймов. Он толст и весьма улыбчив. Волосы он отрастил длинные, ясно, что из лени, а вовсе не оттого, что мечтает о роскошной львиной гриве (я слышал, что он именно так описывает свою прическу), ибо его волосы всегда кажутся плохо расчесанными. Они уже седеют, а широкие бакенбарды, доходящие до скул, почти белые. К этому добавим нос картошкой, голубые глаза и очки в черной оправе.

В некоторых отношениях мы с ним схожи. Так же, как и я, он не курит и не пьет. Так же, как и я, он любит поесть, но я не толстею, а он наращивает жир. Уверяет, что дело в обмене веществ, хотя это смешно слышать от биохимика, каковым он себя считает. Я-то знаю, что все дело в физических упражнениях. Я почти каждый день занимаюсь гимнастикой в спортзале, что до Азимова, то если ему удастся встать с постели, это вся его гимнастика на целый день. Конечно, не считая того, что он часами стучит на пишущей машинке. Пальцы у него в хорошей форме.

На его тарелке горка еды была куда выше, чем на моей, но он не мог удержаться, чтобы с беспокойством не глянуть, что я себе положил – а вдруг я нашел какую-нибудь вкуснятину, которую он не заметил.

– Какой сейчас счет, Айзек?

Он знал, что я имею в виду.

– В данный момент 163 книги, – проговорил он с набитым ртом, – но кто считает?

– Вы считаете, – съехидничал я.

Он огорченно ответил:

– Приходится. Каждый день хочется знать, сколько моих книг опубликовано, и если я не скажу, люди испытывают разочарование. Послушайте, вам не к чему обижаться. По одной из ваших книг сделан фильм, а по моим ни одного.

Я поморщился. Гонорар был приличным, но на мой взгляд, худшего фильма не сделала и самая худшая группа идиотов, какую можно найти даже в Голливуде. Я все время надеялся, что никто не станет его смотреть.

– А что вы здесь делаете, Айзек? – полюбопытствовал я. – Почему вы не сидите дома и не пишете очередную книгу?

Он застонал:

– В известном смысле именно это я здесь делаю. Издательство «Даблдей» хочет, чтобы я написал детектив под названием "Убийство в Эй-Би-Эй". И они хотят получить готовую рукопись к августу. В моем распоряжении максимум три месяца.

– Ну и что? Вам хватит одного уик-энда, разве не так?

Сделав себе гигантский бутерброд, Азимов откусил почти половину. Прожевав он сказал:

– Самая тягостная из моих литературных забот – это то, что мне не разрешают иметь литературные заботы. Если бы вы пожаловались, что вам надо написать книгу быстрее, чем вы в состоянии, ваша жилетка промокла бы от сочувствующих слез. Когда я жалуясь, мне отвечают дешевыми шутками.

Я не стал проливать сочувственных слез.

– Все равно ведь напишете! Вам приходилось раньше писать детективы?

– Конечно, я писал детективы и раньше, – сказал он возмущенно. – Я писал обычные детективы и фантастику с детективным сюжетом: романы и рассказы, писал для взрослых и подростков.

– В чем тогда проблема?

– На этот раз мне надо использовать местный колорит. Должен околачиваться здесь четыре дня и наблюдать за тем, что происходит.

– Так вы же этим и занимаетесь!

– Но я не умею видеть, что происходит. За всю мою жизнь я никогда не замечал, что творится вокруг меня.

– Как же вы написали 163 книги?

– Опубликовано 163, – поправил он, – 11 готовится к печати... Дело в том, что в моих книгах нет описаний. У меня

не орнаментальный стиль.

– В таком случае найдите кого-нибудь, кто вам поможет.

Странно, что я высказал такую мысль, ибо в тот момент никак не мог предположить, что в конце концов помогу именно я.

Ему все-таки удалось сдать книгу в срок. Вы ее читаете: "Убийство в Эй-Би-Эй", автор – Айзек Азимов.

10. Сара Восковек. 19.20

Она была не моего типа: пять футов и ноль дюймов в лучшем случае. Мне нравятся женщины ростом пять футов и семь-восемь дюймов – размеры средней американской девушки. Но особа эта была очень хорошенькая, этого у нее не отнимешь. Ее волосы, черные, как вороново крыло, были высоко взбиты (наверное, она хотела казаться выше). Добавьте к этому пару столь же черных глаз, больших, с голубоватыми белками, слегка изогнутый носик и высокие скулы, окрашенные румянцем. Ее белое платье доходило до щиколоток, но с другой стороны заканчивалось далеко от ключиц.

Она подошла к нашему столу и, полностью игнорируя меня, спросила с легким акцентом, возможно, славянским:

– Простите, вы не мистер Азимов?

– Моя слава опережает меня, – произнес Азимов, широко и радостно раскинув руки. – Я весь ваш, дорогая.

– Разрешите мне на минуточку присоединиться к вам?

– На столько минут, сколько насчитывается в вечности, – ответил Азимов, продолжая гнуть свою линию.

– Пяти-шести минут будет достаточно.

Сочетание безупречного английского с легким акцентом производило чарующее впечатление. Правда, фигура малость подкачала.

– Она присела и сообщила:

– Меня зовут Сара Восковек, и я ведаю связями с прессой нашего отеля. Насколько мне известно, д-р Азимов, – продолжала она, – вы намереваетесь написать детектив с убийством в этом отеле.

Азимов был обескуражен таким внезапным переходом к делу.

– Надо же, как быстро распространяются новости! Не об этом отеле, мисс... мисс..

– Восковек.

– В общем не об отеле. Предложенный заголовок – "Убийство в Эй-Би-Эй". Мои издатели попросили меня написать такой детектив.

– Но съезд Эй-Би-Эй происходит в этом отеле. Насколько реалистически вы собираетесь воспроизвести обстановку?

– Это как потребуется, – заявил Азимов, внезапно став писателем. – Весь смысл в том, чтобы использовать местный колорит.

– Тем не менее, – сказала она, – не обязательно упоминать название отеля.

– Может быть и нет, – согласился Азимов.

Тут я перегнулся через стол в ее сторону и сказал:

– Вот что, сестренка. Этот человек собирается написать книгу. Вас не касается, о чем он будет писать. Если после ее опубликования вы сочтете, что лично вам нанесен ущерб или оклеветан отель, вы сможете возбудить дело. До тех пор вы не имеете права вмешиваться, и такая попытка заранее

ставить условия отвлратительна. Не лучше ли вам уйти и заняться своими связями с прессой, к которым у вас, видимо, нет призвания.

Она посмотрела на меня так, будто изучала какой-то образец неведомого вида, который совсем ее не интересует. Она смотрела на меня достаточно долго, неторопливо, совершенно спокойно и затем проговорила без всякого выражения на лице:

– Вам, наверное, редко удастся встретить человека ниже вас ростом, которому вы могли бы продемонстрировать свою воображаемую мужественность.

– Ого-го! – воскликнул Азимов.

У меня перехватило дыхание. Конечно, дело не в том, что она сказала – на своем веку я постоянно слышал такие шуточки. Дело в полной неожиданности и неуместности ее выпада. Когда я обрел дар речи, я сказал, заикаясь:

– Мадам, ваши дюймы и м-мои..

Но она прервала меня:

– Я переговорю с вами, д-р Азимов, в более подходящее время.

После чего повернулась и неторопливо ушла.

11. Джайлс Дивор. 19.35

Из всех унижений, которые я испытал в тот день, это было наихудшим. Азимов еще подлил масла в огонь:

– Стоит ли переживать, Дэрайес? Вы же знаете, какое впечатление производите на женщин. В следующий раз пустите в ход свое обаяние и, когда она бросится в ваши объятия, шагните в сторону – пусть себе падает.

Я продолжал внутренне кипеть. И вдруг Азимов проговорил:

– Привет, Джайлс! Как поживает знаменитость?

– Привет, Айзек, – ответил знакомый писклявый голос.

Я забыл о нем. Я не искал его и не собирался искать. Если бы он подошел на десять минут позже, я бы покинул съезд. Я был сыт по горло. Но Джайлс появился именно в этом месте и именно в тот момент.

Я поднял глаза и посмотрел на него удивленно. Он стоял, слегка ссутулившись, руки болтались по бокам, на лице – выражение собачьей преданности. Он заметно пополнел: процветание по-прежнему отлагалось на его талии, как это часто бывает. Очки в черной оправе весьма походили на азимовские. Он вообще чем-то смахивал на Азимова, только был на голову выше и отрастил лохматые черные усы. Его нижняя губа, сильно оттопыренная, придавала ему нелепый вид обиженного ребенка.

– Я встретил внизу Терезу Вэлиэр, и она сказала, что вы меня искали, Дэрайес.

– Тогда садитесь, – сказал я резко.

Тут Азимов, видимо, решив, что роль нейтрального наблюдателя слишком опасна, помахал рукой и удалился.

Джайлс сел и положил крупные кисти рук на стол, ладонями вниз. Казалось, что он ждет, что я брошу ему собачью галету.

– Поздравляю с новой книгой, – сказал я.

Он пожал плечами.

– Спасибо, но с "Призм Пресс" я далеко не уеду.

– Насколько мне известно, вы их покидаете.

– Да. Писатели должны искать издательство своего масштаба, – проговорил он своим писклявым тенорком, – а "Призм Пресс" не моего масштаба.

– Скорее моего, не так ли? – спросил я.

– Вы вправе тоже уйти от них, Дэрайес, если только не считаете, что это действительно так.

Каков ублюдок!

– А как насчет Роузэнн Бронстайн? Вы, кажется, отказываетесь прийти в ее лавку, чтобы давать автографы?

– И она вам жаловалась, Дэрайес? Не пойду. Я ее не выношу.

– Ну и не выносите. Это никак не может помешать вам дать несколько автографов в ее лавке. Послушайте, Джайлс, хотите совет? – Я все еще сдерживал себя.

– Не слишком.

– Ну и не надо, я все равно вам его дам. Пусть "Призм Пресс" – небольшое издательство, но оно выпустило вашу первую книгу и недурно ее распродало. Вы могли бы остаться у них хотя бы для того, чтобы посмотреть, как пойдет вторая книга. Уж настолько-то вы им обязаны. И Роузэнн протолкнула вашу книгу, хотя тогда могла этого не делать, а для вас это было очень важно. Теперь вы должны ей отплатить – услуга за услугу.

– Услуги? Наш мир не знает услуг, Дэрайес. Да, "Призм Пресс" выпустило мою первую книгу, что с того? Они тоже заработали на ней, даже больше, чем я. И они заработают еще больше на моей новой книге. Я уже расплатился полностью. И с Роузэнн тоже. Что они теперь хотят? Я могу вам сказать. Они цепляются за меня, рассчитывая на барыши. Вы считаете, что это благородно? Я хочу, чтобы они не цеплялись за меня, и при этом забочусь о своих доходах. Почему же с моей стороны это неблагородно? Все мы гонимся за деньгами.

Даже после этих слов я сохранял спокойствие.

– В таком случае, какую цель преследовал я, Джайлс?

Он густо покраснел.

– Это другое дело, Дэрайес. Я знаю, что обязан вам. И как только я закреплюсь в более видном издательстве, можете рассчитывать, что я замолвлю о вас словечко. Сделаю все, что смогу, Дэрайес. Честно.

На черта мне его словечко! Я начинал закипать. Все унижения этого дня бросились мне в голову, и прежде всего – мерзкая реплика коротышки.

Он ждал ответа, но в этот момент послышался стук каблучков, и словно порыв ветра принес к нашему столу какую-то женщину.

– Мистер Дивор, – окликнула она его, запыхавшись, – если мы сейчас же не уедем, мы опоздаем.

Оттопыренная нижняя губа Джайлса сжалась – верный признак того, что в него вселилось ослиное упрямство.

– Неужели вы не можете найти кого-нибудь другого? – визгливо спросил он.

Только теперь я узнал в этой женщине секретаря съезда по организации пресс-конференций Генриетту Корвасс.

– Это очень важная запись, – сказала она, – ее будут передавать по всей сети, и они не хотят никого другого. Мы же твердо обещали.

– Я ничего не обещал, – возразил он, начиная хмуриться. – Меня задержат бог знает на сколько часов, а завтра утром мне надо давать автографы.

– Больше двух часов запись не займет. Уверяю вас. Я позабочусь о том, чтобы они закончили как можно скорее. До студии всего две мили. Мы подьем туда на такси за несколько минут.

– Вот возьмите Дэрайеса. Он поедет.

Это была последняя капля. Я взорвался. Вскочив с места,

я буквально заорал:

– Я не поеду, слышите вы, жалкий писателишка! Вы что, не знаете своих обязанностей? Одна сносная книга, вторая похуже, и вы уже возомнили, что те, кто поднял вас на своих плечах и бесплатно вам помогал, будут всегда вас подпи- рать! Не будут. Вы наживаете себе врагов, ничтожный чело- вечишко.

Может быть, я не точно передаю то, что сказал, но такова была суть, хотя, помнится, я употребил более резкие выра- жения и немало соленых, а то и бранных словечек.

Джайлс побледнел как полотно, Генриетта покраснела. Ведь я вопил на всю комнату, в которой вдруг воцарилась тишина. Даже сквозь красную пелену ярости я сознавал, что кричу в звуковом вакууме, но это меня не остановило.

Джайлс внезапно вновь превратился в двадцатилетнего юношу и умудрялся смотреть на меня снизу вверх, как поби- тая собачонка. Совсем как во время нашей первой встречи.

– Не сердитесь, Дэрайес. Я поеду, только сперва мне надо кое-что сделать.

– Но мистер Дивор, мы опаздываем! – воскликнула Ген- риетта.

Я начал возвращаться в реальную действительность и по- чувствовал себя пристыженным и виноватым.

– Что вам надо сделать? – спросил я раздраженно. – Я сде- лаю это за вас.

Джайлс порылся в левом кармане брюк и вытащил ма-

ленький кошелек, из которого достал номерок от гардероба.

– Я сдал небольшой пакет в гардероб на втором этаже, знаете, возле...

– Я найду, найду, – перебил я его и взял номерок.

– Гардероб, наверное, будет закрыт, когда я вернусь, а мне этот пакет будет нужен к завтрашнему утру. Пожалуйста, принесите его вечером в мой номер, Дэрайес, – 1511. Вот ключ.

– А как вы попадете к себе?

– Вы можете отдать его портье или оставить вместе с пакетом на письменном столе в моем номере. У меня есть запасной ключ. Я всегда беру два (о, этот Джайлс – сама осторожность!). Только не забудьте.

12. Ширли Дженнифер. 19.50

«Не забудьте!» – таковы были последние слова, адресованные мне Джэйлсом.

Я был уверен, что не забуду, мне на ум не пришло, что могу забыть, хотя считал, что этот пакет не имеет значения – просто очередная перестраховка со стороны Джэйлса, вроде запасного ключа от комнаты. Даже если бы я знал, что в пакете, я не считал бы его поручение важным. А между тем оно было жизненно важным, и целый ряд горестных событий завершился тем, что ответственность за них легла на мои плечи.

Мне хотелось пойти домой и забыть о съезде, но помешала моя глупая гордость. Я чувствовал, что вокруг меня образовалась стена молчания. Я ощущал на себе взгляды и понимал, что гости отпускают реплику по моему адресу.

Я сел за стол. "Не спеша выпью кофе, – решил я, – и потом уйду". Покончив с кофе, я встал, намереваясь отправиться домой.

Но не тут-то было. Чашка кофе задержала меня на критические пять минут, и, не успев дойти до эскалатора, я увидел Ширли Дженнифер. Уйди я на пять минут, на две минуты раньше, мы бы разминулись.

Я не видел ее по крайней мере полгода, но это было вполне нормально. Мы могли встречаться каждый день в тече-

ние двух недель и потом снова не видется целый год. Нас это устраивало. Это не был «роман». Мы просто встречались время от времени, и близость обычно была частью удовольствия от встречи, и ни один из нас потом ни о чем не жалел.

Я крикнул:

– Ширли!

И она воскликнула:

– Дэрайес!

И мы радостно обнялись.

– Я знала, что неспроста иду сюда, – сказала она, – но не думала, что попаду в объятия своего самого красивого конкурента.

Тоже мне, конкурент! Ее книги расходились гораздо лучше моих. Она сочиняет семейные хроники – прослеживает смену поколений. Я пытался читать их, но, к сожалению – от правды не уйдешь, – они оставляли меня равнодушным. Они рассчитаны на женщин, причем на женщин, не мечтающих об эмансипации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.